

Владимир Положенцев

Замороженный

Владимир Положенцев

Замороженный

«Автор»
2025

Положенцев В. Н.

Замороженный / В. Н. Положенцев — «Автор», 2025

Журналист Феликс Бабочкин, уволившись с федерального телеканала, по рекомендации приятеля, устраивается на работу в одну фирму, которая покупает различные организации, находящихся на грани банкротства. Ему поручается предложить некой убыточной фирме "Радуга" крупную сумму, однако выясняется что на самом деле она занимается криоником - замораживанием тел богатых людей, причем еще живых. Но самым неожиданным и удивительным для Феликса оказалось то, что один из "клиентов" фирмы, замороженный вор в законе по кличке Дунай, загадочным образом, пропал.

© Положенцев В. Н., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Техническое бюро 5
Маникюр 8
"Радуга" 9
На вилле 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Владимир Положенцев
Замороженный

Техническое бюро

Ему не понравился этот дом. Снаружи серый, невзрачный, внутри пахнущий пылью, с пустыми, скрипучими коридорами, такими же пустыми, заваленные всяким хламом комнатами. Странные сотрудники, как тени или призраки, вот они есть, и вот их уже нет. Даром что дом с видом на Кремль, кажется, протяни руку и дотянешься до ближайшей башни. И начальники тоже странные, если не сказать больше. Ходят втроем, Главный постоянно в длинном кофейном плаще, хотя жара на улице июльская. Его зовут Федор Михайлович Достоинский. Феликс сразу окрестил для себя начальника, разумеется, Достоевским. Остальные двое даже не представились и их никто не представил. Они следовали за Главным неотступно, как хвосты.

Бабочкину рекомендовал эту контору его университетский друг Дима Фурцев, после того как Феликс добровольно ушел из Новостей федерального телеканала, где проработал почти 20 лет. Он отвечал за военную тему и как-то уехал с десантниками Алтай. В это время случилась трагедия с «Курском». Тогда не было мобильных телефонов, а с военными он оказался в дикой глуши и узнал о том, что произошло с подлодкой только на второй день. Пока выбрался из глухомани, пока долетел до Москвы…Словом, на место трагедии поехали все федеральные телеканалы, кроме того, где работал он и где отвечал, как уже сказано, за «войну». Начальница, а тогда руководила Новостями тоже его сокурсница, ничего «злого» ему не сказала, так как она сама в момент трагедии отдыхала на тропических островах. Феликс сам положил заявление об увольнении, все же прокол был на его совести, и она его подписала. Тогда фамилия Бабочкина, как журналиста федерального телеканала, была известна на всю страну и все были удивлены его поступком: никто и никогда не уходил добровольно из Новостей. Он был первым «космонавтом».

Так и сидел дома, тупо глядя в потолок, попивая водку, пока ему не позвонил друг Дима. Он не стал ни о чем расспрашивать, сказал лишь, что есть одна контора в центре, где платят очень хорошие деньги. Чем она занимается, он толком не знает. Но люди, которые ему её рекомендовали, сказали, что это какая-то закрытая организация, но делать там особо ничего, вроде бы, не надо. Дима сказал, что сам туда собирался, но подвернулась непыльная работенка в спортивном отделе одной газеты, а он очень любит спорт. Феликс, разумеется, спросил: это что «контора»? имя ввиду ФСБ, на что Фурцев лишь заржал и спросил: а тебе ни всё ли равно? А потом твердо добавил: нет, но странности вроде хватает.

Организация с мрачной, как на могильной плите, вывеской сбоку здания «Техническое бюро 2.0», действительно оказалась странной. Каких контор Феликс за свою профессиональную деятельность только не видел, но такую встречать не приходилось. Федор Михайлович в длинном, застегнутом на все пуговицы плаще даже не стал расспрашивать ни о чем Феликса. Указал на место в комнате, заваленной пустыми коробками, возле ноутбука, за которым сидел волосатый парень – единственный, кого, кроме начальников увидел Бабочкин в первый день. Главный щелкнул пальцами, и парень растворился, словно нежить перед распятием. Начальник сказал, что это теперь рабочее место Феликса, хотя здесь ему часто находиться не придется. Пусть пока осваивается, а задание получит позже. Какое задание, на предмет чего? И уходя, Достоевский сказал, что аванс на счет Бабочкина уже переведен. Тут же блямкнул телефон. Феликс его открыл и обомлел: он очень хорошо зарабатывал на Новостях, но эта сумма была

равна трем его месячным жалованьям. Бабочкин похолодел. Что же он должен будет делать за такие деньги, если это только аванс?

Прошло три дня. Ни начальников, ни теней сотрудников в коридоре. В его комнату никто не заходил и Феликс все это время гонял чертей на ноутбуке. Позвонил Фурцев, спросил как дела. Феликс ответил, что ничего не понимает – денег дали, много, но ничего от него пока не требуют и сами начальники словно испарились. Похоже, он один в конторе. Дима как-то странно заржал, попросил держать его в курсе событий и отключился.

Только на пятый день появился Федор Михайлович, полистал свой айфон, сказал:

–Ну, так. Пора. Поедите, Феликс Николаевич, под Волоколамск, на фирму «Радуга». Предложите директору 100 миллионов. Если согласится, звоните, туда отправятся юристы.

Ничего не понимая, Бабочкин спросил:

–А если откажется?

–Вы должны его убедить продать нам «Радугу». 100 миллионов, не больше. Вы журналист и всю жизнь кому-то выкручивали руки, так что вам не привыкать.

Наконец до Бабочкина стало доходить: это техническое бюро не более чем рейдерская контора. Его мысли прочитал Федор Михайлович:

–Мы не захватчики. Законов не нарушаем. Предлагаем по-хорошему продать нам убыточное предприятие. Добровольно. Подчеркиваю, добровольно. Никакого насилия, только убеждение.

Феликс не мог не задать вопрос:

–Зачем же вам убыточное предприятие?

–Мы делаем из убыточного, прибыльное предприятие.

На это Феликс не нашелся что сказать. Да и что тут скажешь? Хотя по виду ни Достоевский, ни его соратники на альтруистов были совсем не похожи. Главный более ничего объяснять не стал, нажал кнопку на телефоне:

–Третий аппарат к подъезду. Кто там сегодня? Владислав? Хорошо, как раз для новичка.

Про Владислава все же сказал:

–Он ваш слуга и помощник во всем. Вы делаете только свое дело, он расчищает вам поляну, защищает, обеспечивает быт.

Феликс хотел спросить «какую поляну», но не стал и так в горле появился комок: кажется, вляпался по полной программе.

–В машине наша конторская форма, переоденетесь, – сказал Федор Михайлович и вышел из комнаты, поднимая полами плаща пыль.

Феликс сидел и думал: может, смыться пока не поздно? Но деньги, большие деньги, которые уже на его счету. Вернет. Кому, куда? Может, и не так страшно как показалось. Сказал ведь Достоевский, что никаких захватов, только убеждение. Он действительно всю жизнь тем и занимался, что убеждал людей, сделать или сказать то да это. Иначе никогда толкового интервью не получится. И хорошо получалось. Так что, почему бы не рискнуть. Попытка не пытка, была, не была. Не пытка…ну дай бог.

Решительно поднявшись, Бабочкин спустился на первый этаж. Снова удивился, что никакой охраны или службы безопасности, какие теперь в каждой конторе, здесь не было. Заходи кому ни лень.

Вышел на улицу и обомлел: возле входа стоял сверкающий, шикарный Майбах. Авто было похоже на кита с приоткрытой пастью. Шофер в красно-желтой ливрее, трехцветном аксельбанте, перекинутом с правого плеча на левое, фуражке с золотым околышем, эмблемой на ней в виде перекрещенных топора и сабли, туда же выскочил из машины. Подобострастно, с поклоном распахнул заднюю дверцу. На широком воротнике ливреи Феликс прочел имя: «Владислав». Сел. Тут же в салоне зажегся мягкий, не раздражающий свет, заиграла еле слышно классическая музыка, кажется «Метель» Свиридова. В просторном салоне, отгороженным от

водителя матовым стеклом, на вешалке висел черный костюм. На другой вешалке – белоснежная рубашка с закругленным воротничком и черной бабочкой в мелкую серебряную крапинку.

–Феликс Николаевич, разрешите начать движение, – осведомился Владислав по-военному.

–Да, да, конечно.

Вокруг было полно кнопок, нажал первую попавшуюся. Спереди отъехала панель, открылся мини-бар с виски, ромом, водкой, колой, двумя лимонами, шоколадкой, блюдечком с маленьким хромированным ножом. В баре было даже ведерко со льдом. Свиридов сменился на Чайковского.

Майбах бесшумно проехал по дворам, выехал на Лубянку.

–Нам долго ехать? – спросил Феликс ради того, чтобы что-то спросить. Но шофер даже бровью не повел и ничего не ответил.

Маникюр

Где-то на 50 километре от Москвы остановились.

–Не угодно ли Феликсу Николаевичу переодеться? – спросил Владислав.

–Угодно, – хмуро ответил Бабочкин.

И фрак, а это был шикарный фрак, и рубашка оказались ему впору. В одном из ящичков оказались лакированные туфли известной, крутой фирмы. Даже носки определенного цвета были к ним подобраны. Может, и белье от Версаче тут припасли?

Переодевшись и оглядев себя в зеркало, чему был очень удивлен и если честно, обрадован, никогда так шикарно не одевался, Бабочкин спросил: сразу ли они едут на «Радугу».

–Феликсу Николаевичу нужно сначала отдохнуть, подстричься, сделать маникюр, – ответил Владислав.

Маникюр? Да, неожиданно, подумал Феликс, то ли еще будет.

Через некоторое время остановились перед шикарной усадьбой, находящейся недалеко от трассы, но в приятном березово-сосновом лесу. Номер для Феликса уже был заказан в двухэтажной вилле, стоящей на берегу живописной речки. У него даже не потребовали паспорта. Владислав сам наполнил ванну, добавил в нее хвойных ароматизаторов, которые достал из кармана, проверил температуру воды, пригасил Бабочкина. И всё молча. Правда, перед уходом сказал, что парикмахер и маникюрша будут через час, обед через два часа. Встреча с директором «Радуги» назначена на 16 часов.

–Подождите! – крикнул вслед помощнику Бабочкин. – А чем вообще занимается эта «Радуга»?

Однако вопрос остался без ответа.

Долго в ванне лежать не стал, обмотался бархатным белым халатом, вышел на крыльцо. Перед ним простирались шикарные пейзажи: лес, поля, за ними искрящееся на солнце озерцо – хорошо!

Парикмахер и маникюрша пришли вместе. Его стригли, надраивали ему ногти, в том числе на ногах почти час. К ужасу Феликса ногти покрыли бесцветным лаком, а волосы набрионилили и тоже набрызгали лаком так, что они казались пластмассовыми.

Обед для него приготовили царский: на столе и ушица из семги, и картошечка с осетриной по кремлевски, балык сырокопченый, всевозможные салатики, виски Бурбон, коньяк французский Мартель, икра красная и черная. Этот обед тянул явно на несколько десятков тысяч. Но аппетита не было. Предстоял разговор с директором «Радуги», а Феликс не представлял себе, как будет уговаривать его продать конторе предприятие за 100 миллионов. И тут мысленно ударил себя по лбу: 100 миллионов чего, рублей или «зелени»? Но звонить и спрашивать у Достоевского он не стал, уж это-то Владислав наверняка подскажет.

В половине четвертого шофер распахнул перед Феликсом дверцу Майбаха. А через 20 минут уже остановились у крыльца «Радуги». Народ, проходивший мимо, застывал и пооткрывал рты, видя, как лакей в ливрее, подобострастно открывает дверь шикарного авто, из которого неспешно (Феликс заставил себя войти в роль, журналисты ведь те же актеры) вальяжно выходит человек во фраке, в сверкающих на солнце лакированных туфлях.

Лакей подал «господину» руку, проводил до крыльца, с поклоном распахнул перед ним фабричную дверь. Феликс не видел, что на втором этаже, к стеклу с ужасом прилип директор фабрики господин Беспалов Никита Борисович. Он так плотно прислонился к стеклу, что его нос напоминал поросячий пятачок.

"Радуга"

Феликс протянул руку, и директор принял ее как гоголевский Акакий Акакиевич – за два пальчика. На его лице с толстыми, словно у карася губами, расплылась подобострастная улыбка. От нее Бабочкину стало не по себе.

–Ну, как дела? – развязно спросил Феликс, видя явный испуг Беспалова. Его имя, отчество и фамилию он прочитал на двери при входе в кабинет.

Директор лишь противно хихикнул в ответ, указал на широкое кресло, в которое Бабочкин тут же уселся. Закурил сигариллу с золотистым ободком.

–Наша фирма предлагает вам 100 миллионов, – продолжил Бабочкин. – Вы согласны?

–Как можно отказаться. – Директор налил себе в стакан Нарзана, залпом выпил. По его лбу побежала струйка пота.

–А что с производительностью на вашем предприятии? – спросил Феликс, внутреннее поморщившись оттого, что Беспалов не предложил ему Нарзана.

–Производительностью? – искренне удивился Никита Борисович. – Ну….Как и прежде – три консервационные капсулы.

Феликс заморгал: что это еще за капсулы и почему их всего три? Но виду не подал:

–Они по-прежнему в строю?

–Да, в строю, но есть один нюанс.

–Какой еще нюанс?

–Пойдемте, я покажу.

Шли по длинному коридору с двумя постами охраны из трех секьюрити, пока не уперлись в широкую дверь с несколькими сенсорными замками. Директор к одному приложил карточку, к другому большой палец. Дверь, мигнув зелеными и красными огоньками, отъехала в сторону. Впереди была еще одна такая же дверь, но к ней не пошли, свернули за угол, оказались в комнате, наполненной белым паром или дымом. Это оказалась стерильная раздевалка. Вежливый распорядитель преклонного возраста по фамилии Рубчик выдал прозрачные полипропиленовые комбинезоны, маски, бахилы. Владиславу пришлось с трудом надевать защитный костюм на свой клоунский наряд, фуражку, конечно, пришлось оставить.

Наконец, вошли во вторую дверь и оказались в объемном, с высокими потолками зале, разбитом на три ячейки. В нем было холодно, по каменному полу стелился сизый туман.

–В первом отсеке бывший депутат Госдумы Павел Николаевич Грузный, – сказал Беспалов. – Его ввели в анабиоз через двое суток после остановки сердца, так что шансы когда-нибудь его воскресить минимальный, ДНК уже поплыли. Семья платит хорошие деньги, а нам всё равно. Мы честно поддерживаем нужную температуру объекта с помощью жидкого азота и аргона. Во второй криокамере бывший телеведущий Купец Леонид Абрамович.

–Так это у вас криофирма?! – Феликс был искренне удивлен. Уж никак он не предполагал, что конторе Достоевского понадобится подобная организация. Хотя, простые смертные не замораживают себя, только богатые, причем ни они, ни их родственники, как сказал Беспалов, не жалеют средств.

Феликс читал, что крионика или криоконсервация довольно популярна среди миллионеров в мире. И это вовсе не лженаука. Недавно нашим ученым удалось «пробудить» и оживить какого-то червя, который находился в криптобиозе целых 46 тысяч лет. Значит, у живых существ есть механизм защиты от разрушения клеток во время заморозки и сохранения их при размораживании. Ткань, выходит, в анабиозе сохраняется почти вечно. Почему бы эту методику не перенести на людей и не попробовать размораживать, скажем, обезьян, уже сейчас. Об этом он сказал директору. Тот самодовольно улыбнулся:

–Именно над этим мы и работаем. Работали. Теперь криоником будет руководить ваше Техническое бюро. Правда, есть нюанс, – повторил Беспалов.

Он приоткрыл полупрозрачную шторку третьего отсека. Внутри находилась капсула, похожая на медицинскую барокамеру, к которой подходили многочисленные трубки и провода. Капсула была пуста.

–Здесь находился вор в законе по кличке Дунай. Фамилия его – Дунайский, имя Афанас Богданович. Красивую фамилию сам себе присвоил, воры любят звучные псевдонимы, а по паспорту Муциль, молдаванин.

–И где же он?

Директор пожал плечами:

–Пропал сегодня ночью.

–Как это пропал? Он что, сам разморозился, встал и ушел?

–Нет, конечно.

Как ни странно связь в криобункере была. Набрал Достоевского, на этот раз Главный ответил сразу. Феликс сказал ему, что директор согласен на 100 миллионов, но есть нюанс (он повторил выражение Беспалова), из одной криокамеры исчез находившийся в анабиозе вор в законе по кличке Дунай.

–Как пропал? – удивился Федор Михайлович.

–Директор не знает.

–Оставайтесь там пока не выясните, – сказал Главный и отключился.

Ничего себе, «пока не выясните».

Через некоторое время в кабинете директора были собраны все сотрудники, дежурившие ночью на криоферме, в том числе охранники и распорядитель стерильной раздевалки. Всего 10 человек. Но никто из них не видел, чтобы Дунай каким-то образом выходил из криокамеры.

–Это просто невозможно, – говорила полная медсестра, следившая за подачей в криокамеру пациентов смеси азота и аргона. Её коллега сидела, опустив глаза, с налитым от напряжения румянцем на лице. – Капсулу невозможно открыть изнутри, а когда она открывается извне, раздаются характерные звуки сигнализации. Да и не мог Дунайский пройти незамеченным по коридору.

«Не мог», – хором подтвердили охранники.

Феликс поправил бабочку на воротничке, который с непривычки натер ему шею.

–Так не бывает, господа, – сказал он. – Кусок льда вообще не мог уйти на своих двоих, его явно похитили. Значит, кто-то из вас причастен к его похищению. Повторяю, похищению. С каждым буду беседовать отдельно. Владислав, обеспечьте, пожалуйста, доставку сотрудников «Радуги» ко мне на виллу. Там удобнее разговаривать. Да, и директора не забудьте. Вам, господин Беспалов, личное приглашение.

–Не забуду, Феликс Николаевич, – пообещал помощник.

–Конечно, не мог Дунай сам уйти, он бессердечный,– сказала полная медсестра, представившаяся Лидой.

–Какой?

–У него ведь сердца нет. Его пулей в клочья разнесло. Такого и привезли.

Вторая медсестра долго мялась, потом сказала:

–А я однажды видела, как он мне подмигнул. У меня от страха даже молоко пропало.

–Не ври Танька, – перебила её Лида. – Молоко у тебя пропало, потому что ты дура.

–Не ссорьтесь девушки. – Феликс пригладил свои пластмассовые волосы, поправил бабочку. – Значит, подмигнул, замечательно. – Да, Никита Борисович, а где ваши инженеры, врачи, профессора, наконец? Не медсестры же поддерживают в рабочем состоянии криоферму.

–Инженеры располагаются в другом отсеке, мы их вызываем по мере необходимости, – ответил Беспалов. – Вчера они, кстати, отпросились по семейным делам.

–Все?

–Их двое, Дужкин и Стёжкин. Одному нужно было тёщу встречать в Домодедово, у другого жена заболела, возможно, Ковидом. У нас здесь прекрасная лаборатория, где трудятся наши врачи и ученые. Они и составляют научную основу «Радуги».

–А почему, собственно, «Радуга»? – Феликса с первых минут на криоферме мучил этот вопрос.

–При Союзе здесь была швейная фабрика «Радуга». Она развалилась, на её базе создали хладокомбинат для хранения импортного мяса, название сохранилось. Потом вот создали криоферму. Название опять же менять не стали.

–Вы, я так понимаю, были директором и швейной фабрики, и хладокомбината.

–У меня был друг и компаньон Виталик Миронос, но он умер.

–Что же вы его не заморозили?

На это директор ничего не ответил.

Глава 3

Прошли в соседнее помещение, которое оказалась широкой, светлой лабораторией, уставленной колбами, пробирками с булькающей в них жидкостью, мониторами. Директор представил начальника лаборатории кандидата медико-биологических наук, доцента МГУ господина Кранкеля Яна Карловича. Тот вежливо слегка поклонился, горячо пожал руку Феликсу. Сказал, что за криокапсулами ведется круглосуточное видеонаблюдение. Как теперь выяснилось, с часу ночи до двух видеозапись по каким-то причинам не велась. Охранники в один голос так же сказали, что в это время произошел скачок напряжения. Такое иногда случается, и они не придали этому значения. Потом камеры и мониторы наблюдения пришли в обычный рабочий режим. Медсестрам же разрешается ночью находиться в их комнатушке, отдыхать, и они, разумеется, тоже не заметили броска по питанию.

–Получается, Дуная похитили как раз в это время, – сказал Феликс.

–Получается, – подтвердил Кранкель.

–Кому же это могло понадобиться и главное зачем?

Начальник лаборатории пожал плечами:

–Кто их, блатных, знает. Может даже после смерти кто-то решил Муцилю отомстить. Это настоящая фамилия Дуная. Муциль Афанас Богданович, Дунайский его псевдоним.

–Мне уже директор доложил. Фото его прижизненное есть?

–И не только прижизненное.

Кранкель открыл телефон, продемонстрировал несколько фото. Одно явно переснятое с паспорта вора в законе, другие, вероятно, предоставлены его сожительницей.

–Жен у воров в законе быть не может, – пояснил начлаб.

С экрана на Бабочкина смотрел вполне благообразный человек: правильные черты спортивного лица, заостренный нос, «кирпичный» подбородок, говорившие о волевом, жестком характере. На «живом» фото, снятом где-то на море, на фоне загара, словно синими звездами горели умные, слегка ироничные глаза. Следующее фото было парным: Дунай с красивой, стройной блондинкой лет 30-ти. Снизу подпись: «Мы с Алиной на Крите в логове Минотавра».

–Сколько ему было?

–65 лет.

Бабочкин из любопытства взглянул в окуляр включенного электронного микроскопа, но кроме изъеденных, словно червями дорожек в песке, ничего не разобрал.

–Это хромосомы мышей под большим увеличением, – пояснил с улыбкой доцент. – Изучаем их «реле смерти». Если интересно, потом расскажу.

Оторвавшись от микроскопа, Бабочкин пристально взглянул на директора, спросил:

–Почему до сих пор полицию не вызвали, господин Беспалов?

Никита Борисович несколько помедлил, потом ответил:

–Вас ждали.

На это Феликс лишь ухмыльнулся.

–Владислав, доставьте, пожалуйста, и господина Кранкеля на мою виллу. Да, и тех двух инженеров, что внезапно отпросились по семейным обстоятельствам, тоже.

–Слушаюсь, Феликс Николаевич.

На вилле

Через два часа гостей разместили по комнатам виллы, а еще через час в ресторане был организован шикарный ужин, который потряс сотрудников «Радуги» – таких деликатесов они не видели никогда: полностью запеченные поросята, осетра горячего копчения и даже гуси в перьях. Не говоря уж об изысканных спиртных напитках: французском коньяке Наполеон, шампанском Вдова Клико, итальянским ликерах. Конечно, всех этих изысков в провинции не было, Владиславу пришлось срочно выписывать их из элитного ресторана Москвы. Дневной же обед Феликса был организован из тех продуктов и напитков, что помощник привез с собой.

Владислав не нашел инженеров Дужкина и Стёжкина, отпросившихся по семейным делам. Они жили в одном доме, более того, в одном подъезде. Их родственники сказали, что они срочно куда-то уехали и еще не возвращались.

Теперь Владислав прислуживал лично Феликсу, остальным – два официанта в черных рубашках, серо-полосатых фартуках с логотипом ресторана «Снежный человек». Помощник, наконец, снял свою дурацкую, по мнению Бабочкина, ливрею, так же оделся во фрак. Директор «Радуги» кушал быстро, жадно, словно за ним гнались собаки, пил одну за другой рюмки Бурбона. Охранники так же торопливо нагружались спиртным. От них не отставали медсестры, которые после второй рюмки коньяка начали руками рвать поросят. Не пил только начальник лаборатории Кранкель.

–Это хорошо, что ваша щедрая фирма покупает нашу «Радугу». – Медсестра Лида обвела стол рукой. – Наш директор Беспалов редкий жмот. Премии никогда не дождешься.

–Точно, жмот, – подтвердила Таня. – На день рождения даже цветочка не подарил, только обмусолил всю своими жирными губами.

Они говорили так, будто директора не было рядом. Загудели в адрес Беспалова и прилично накачавшиеся охранники.

–Это Борисыч вора в законе спер, – сказал один из них по имени Данила. – Хочет с братками поторговаться. Они ему жало- то отпилят.

–Я всегда считал директора подозрительным, – сказал другой охранник. – Он украл Дуная, не иначе.

Никита Борисович, казалось, не замечал, что про него говорят подчиненные, он продолжал с аппетитом кушать и Феликс удивлялся, как в него столько влезает. Проглотив весомый кусок копченой осетрины, директор вдруг схватил обглоданную куриную ножку, запустил в медсестер:

–На панель у меня пойдете! А вас, вертухаи, снова по зонам рассажу! Твари неблагодарные.

–Руки коротки, – ухмыльнулась Лида. – Нас другая фирма покупает. Её представитель очень даже симпатичный.

Толстушка подмигнула Феликсу, отчего у него застрял кусок в горле: он не любил полных женщин, они его пугали и раздражали. Вероятно потому, что он не испытывал к ним сексуального влечения, а без этого любая дама, даже симпатичная, лишь раздражитель.

–А я не продам «Радугу»! – Беспалов вскочил, грохнул недопитую рюмку об пол. – Не продам, поняли. – Он показал фигу сначала Феликсу, потом Владиславу.

Бабочкин кивнул помощнику, то понял его без слов. Сгреб Никиту Борисовича в охапку, потащил к выходу. Директор не переставая, кричал: «Не продам!»

Бабочкин думал, что за сытным ужином с хорошим спиртным языки у сотрудников «Радуги» развяжутся, как это бывает на дружеских посиделках журналистов, но получилось иначе.

Уложив директора спать, Владислав вызвал такси девицам. Охранники и распорядитель сказали, что доберутся сами.

В результате Феликс оказался в своем номере виллы, а больше в ней постояльцев и не было, один на один с начальником лаборатории господином Кранкелем.

–Для чего ваша организация хочет купить «Радугу»? – спросил Ян Карлович.

– Я человек в Техническом бюро новый, – ответил Феликс. – Думаю, чтобы расширить криогенный бизнес. Миллиардеров теперь у нас полно и все они смертны, причем часто внезапно. Но сделка не может состояться, пока не выяснится, куда делся этот Муциль. А вы не знаете, за что и как его убили?

Начальник лаборатории пожал плечами:

–Понятия не имею. Его привезли какие-то бритоголовые граждане, потом явилась его сожительница Алина, жёны ворам в законе не полагаются, и тут же на счет нашей фирмы, насколько знаю, были переведены большие деньги, в евро. Мы первым делом привели тело в порядок…

–Сердца действительно у него не было?

–Грудная клетка Муциля была разворочена крупным калибром, а вместо сердца – ошметки от желудочков, извините. Мы, как положено, взяли у него кровь, сделали срезы тканей из разных частей тела, мозга.

–Вы проводили трепанацию?

–Нет. По древнеегипетскому методу, сделали вентрикулярную пункцию головного мозга через нос. Все это хранится в отдельной криокамере. Кстати, мы сейчас разрабатываем уникальную методику. Вы что-нибудь слышали о синтетической биологии?

–Ну…

Кранкель рассказал, что российским и американским ученым удалось замедлить старение клетки дрожжей с помощью некого генетического осциллятора, сконструировать искусственные цепи регуляции генов, отвечающих за возраст ДНК, РНК, хромосом, митохондрий. Это можно перенести на человека.

–Понятно?

–Не очень, – признался Феликс.

–Хм. Дело в том, что человеческие гены ничем не отличаются от генов дрожжей или, скажем, червей. Разве что набором «букв» и «слов» ДНК, кодирующих ту или иную функцию, ну и количеством хромосом. И главное – у всех есть «реле смерти». По истечении определенного времени оно срабатывает и организм умирает. Так вот, в наших генах записано практически все: болезни, мысли, переживания, поступки, события, связанные с нами. Информация хранится как на жестком диске компьютера. Генетический осциллятор позволяет не только подправлять гены старания, отключать «реле смерти», но и дает возможность открывать полное досье, так сказать, на человека: что он делал, где был в течение последнего месяца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.